

Александра Ушакова

*Ягиня из Бухгалтерии.
Наследие*

Ягиня из бухгалтерии.

Александра Ушакова

Ягиня из Бухгалтерии. Наследие

«Автор»

2026

Ушакова А. А.

Ягиня из Бухгалтерии. Наследие / А. А. Ушакова — «Автор»,
2026 — (Ягиня из бухгалтерии.)

Бухгалтер магии, наследница Кощея. Её офис — рушащиеся миры, её инструменты — балансы и договоры. Алия Назарова могла бы сводить скучные отчёты. Вместо этого она считает цену магии, платит по счетам древних существ и пытается не сойти с ума от наследия своего бессмертного отца. Её волосы цвета серебра после сделки со Смертью, питомец напоминает помесь цыплёнка с драконом, а дом ходит на птичьих ногах. «Ничего личного. Только баланс.» Но когда на кону — душа погибшего друга и спящее сердце самой Горы, холодные расчёты дают сбой. Готовы ли вы к сказке, где принцев похищают по бизнес-плану, а самый страшный злодей ведёт бухгалтерию? Мир «Отката» ждёт своего главного бухгалтера.

© Ушакова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Тишина после бури	5
Глава 1. Болотное наследство	10
Глава 2. Домашний совет	14
Глава 3. За пределами дома: изба ждёт	18
Глава 4. Архив. Письмо от Кощея	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ягиня из Бухгалтерии. Наследие

Пролог. Тишина после бури

Там, где закончилось второе испытание, воцарилась не тишина, а иное, более глубокое безмолвие – та особая, звенящая пустота, которая бывает только в местах, где только что бушевала смерть и где жизнь, отступив, оставила после себя небытие, ещё не успевшее затянуть раны.

Гнездо Жар-Птицы остывало медленно, нехотя, как раскалённая печь, из которой вынули хлебы, но которая ещё долго хранит память об огне. Золотистая смола, плавившаяся под крыльями огненного исполина, твердела, превращаясь в янтарные наплывы, в глубине которых застыли пузырьки воздуха – словно последние вздохи этого места, пойманные в ловушку времени. Пахло здесь теперь не жаром и серой, а горелым камнем, остывшей лавой и той особенной, горькой сладостью, которая остаётся после того, как пожар уходит, оставляя после себя выжженную землю и пепел.

Прах поверженного Леиня смешивался с пеплом от вспышек божественного огня, образуя странный, серебристо-серый налёт на камнях – будто сама смерть этого прекрасного, скорбного существа оставила здесь свою подпись, неразборчивую, но неопровержимую. Ветер, которого здесь не могло быть, потому что гнездо было скрыто в скальной расщелине глубоко над чёрной рекой, тем не менее шевелил этот пепел, собирая его в причудливые узоры, похожие на лица, на буквы, на знаки, которых никто не умел прочесть.

А в центре этого опустошения, не тронутый даже искрами, которые ещё теплились в трещинах камня, лежало тело Яна. Оно было неестественно прямым, как будто кто-то невидимый вытянул его, придав позу покойника, ожидающего погребального обряда. Руки, ещё недавно такие ловкие, такие живые, сейчас лежали вдоль тела, пальцы были разжаты, и только на одном, безымянном пальце левой руки осталась тонкая, бледная полоска – след от кольца, которое он успел снять и бросить Алии в последнем, отчаянном движении умирающей воли.

Лицо его было спокойно. Странно, неестественно спокойно для того, кто умер такой страшной, внезапной смертью. Ледяной кинжал, метко пущенный снежным принцем, сделал своё дело быстро и чисто – пробил грудь насквозь, вошёл между рёбер с хирургической точностью, заставив сердце остановиться прежде, чем боль успела достичь сознания. Глаза Яна были полуоткрыты, и в их застывшем взгляде, устремлённом куда-то вверх, в невидимое отсюда небо, застыло не удивление и не страх, а что-то похожее на недоумение – будто он не мог понять, как это случилось, как такой быстрый, такой неуловимый, как он, мог оказаться здесь, на холодном камне, с дырой в груди, из которой уже не текла кровь, потому что лёд, пронзивший его, заморозил рану быстрее, чем она успела кровоточить.

Вокруг тела, на расстоянии вытянутой руки, камень был чист. Ни капли крови, ни следа борьбы. Только тонкая, едва заметная корка инея, покрывавшая одежду Яна, – последнее прикосновение убийцы, холодное, бездушное, неумолимое.

Но абсолютной пустоты не бывает. Особенно в местах, пропитанных болью, смертью и мощной, неразрешённой магией. Особенно там, где границы между мирами ещё не затянулись, где ткань реальности, разорванная вторжением чуждых сил, зияет, как открытая рана, и где в эти разрывы, как в щели между половицами в старом доме, просачивается то, что живёт в изнанке мира, питаясь его болью и пустотой.

Из тени, что глубже всех других теней в этом мёртвом гнезде, из той самой черноты, что скопилась под скальным выступом, куда не проникал даже отблеск остывающего золота, выползло оно.

Нечто маленькое, чёрное, липкое. Похожее на каплю дёгтя, упавшую на светлый камень, или на живую дыру в реальности – такую маленькую, что её можно было принять за трещину в камне или за обгоревший лист, занесённый сюда неведомо откуда. Но это не был ни камень, ни лист. Это была Жеча. Та самая, что когда-то, в самом начале пути Алии, хотела сожрать весь её сектор, разорвать ткань реальности, обратить в небытие всё, до чего могла дотянуться.

Она была слаба сейчас. Почти ничего не осталось от той, прежней Жечи, что клубилась над разрывом, что тянула свои щупальца к живым, стремясь их отрицать, уничтожить, стереть. Три испытания, три вторжения в чужие реальности, три столкновения с магией, которая не была ей подвластна, иссушили её, выжгли почти дотла. От огромного, пульсирующего чёрного облака, способного накрыть целый квартал, осталась лишь капля – квинтэссенция голода, отрицания и ненависти, сжатая до размеров горошины, но оттого не менее яростная.

Она ползла по камню, оставляя за собой едкий, дымящийся след, похожий на кислоту, которая разъедает всё, к чему прикасается. Камень под ней шипел, покрываясь мелкими трещинами, теряя свою структуру, превращаясь в труху – потому что Жеча отрицала его, отрицала его право быть твёрдым, быть камнем, быть. Она отрицала остывающий жар в воздухе, отрицала золотистую смолу, застывающую в трещинах, отрицала память о битве, о криках, о боли – обо всём, что наполняло это место жизнью.

Её существование было мукой. Не той мукой, которую испытывает живое существо, чувствующее боль. Жеча не чувствовала боли – она была болью. Она была отрицанием, воплощённым в материю, и каждое её движение, каждое мгновение её бытия было актом отрицания самой себя, потому что она не должна была существовать, она была ошибкой, сбоем, трещиной в мире, которая не имела права на жизнь, но жила, и это противоречие жгло её изнутри сильнее любого огня.

Её целью было прекратить всё. Всё и сразу. Вместе с собой. Но для этого нужна была сила. Сила, которую она потеряла в схватках с Алией, с Полуденницей, с Волком-Серым, с той странной, системной магией, что наводила порядок там, где должен был царить хаос. И вот, когда она уже почти иссякла, когда её оставалось так мало, что она могла думать только о том, как бы добраться до ближайшей трещины и упасть в неё, чтобы раствориться в пустоте, из которой пришла, – её «взгляд» (если у бесформенной тени, отрицающей само понятие зрения, может быть взгляд) упал на тело.

На Яна.

Совершенная, целостная, но мёртвая форма. Оболочка, из которой ушла жизнь, но которая ещё хранила отпечаток личности: ловкость разведчика, хитрость, мгновенную реакцию, способность исчезать и появляться там, где её не ждут. Оболочка, лежащая в самом эпицентре мощнейших магических выбросов – жара Жар-Птицы, холода снежных принцев, ярости Святомира, отчаяния Алии. Оболочка, пропитанная остаточной магией, как губка водой, – магией, которую можно было использовать, переработать, превратить в силу.

Жеча замерла. В её простейшем сознании, которое было скорее инстинктом, чем мыслью, боролись два импульса. Отрицать эту форму – она была слишком человеческой, слишком определённой, слишком «чем-то», в то время как суть Жечи была в отрицании всего, что имеет форму и смысл. И уничтожить её, как и всё остальное, – разорвать, стереть, обратить в прах, который потом смешается с другим прахом, и никто не сможет сказать, где было тело, а где камень, где была жизнь, а где смерть.

Но был и третий импульс, самый древний и самый сильный. Голод. Не голод плоти, не голод желудка, а голод бытия – та первобытная, животная потребность существовать, которая сильнее любого отрицания, сильнее любой ненависти, сильнее самой смерти. И чтобы уничтожить эффективнее, чтобы отрицать с большей силой, чтобы стереть этот мир в порошок и развеять его по пустоте... нужно быть. Нужна форма. Нужна сила. Нужна точка приложения, с которой можно давить на реальность, ломать её, гнуть, рвать.

Маленькое чёрное пятно дрогнуло. Оно покачнулось, как капля на листе, готовая упасть, но не решающаяся, и в этом колебании, длившемся всего мгновение, было сосредоточено всё, что осталось от той древней, нечеловеческой воли, что когда-то чуть не уничтожила целый мир. Потом, с отвратительным, чавкающим звуком, напоминающим хлюпанье грязи под ногами или последний вздох утопающего, оно потянулось к ране на груди Яна.

Не чтобы залечить. Не чтобы вернуть жизнь. Жеча не умела давать жизнь – она могла только брать, только отнимать, только отрицать. Она потянулась к ране, чтобы заполнить пустоту, чтобы занять место, которое освободила ушедшая душа, чтобы войти в этот храм, из которого выселился бог, и поселиться там, как скверна, как плесень, как та самая чернота, что прорастает в трещинах старого дома, когда его перестают топить.

Это не было воскрешением. В этом не было ни надежды, ни чуда, ни той светлой, очищающей силы, что возвращает мёртвых к жизни в древних сказаниях. Это было чудовищное, противоестественное действие – акт паразитизма, в котором мертвец становился оболочкой для той, что отрицала само понятие жизни. Жеча вливалась в холодную плоть, в пустые сосуды, где уже не текла кровь, в безмолвный разум, где не было больше мыслей. Она отрицала душу, которая была здесь раньше, отрицала память Яна, его личность, его шутки, его быстроту, его верность товарищам. Но она присваивала форму. Костяк, который можно было двигать. Мышечную память, которая помнила, как бегать, прыгать, исчезать, наносить удар. Остаточные магические следы от кольца-невидимки, от левитации, от сотен мелких хитростей, которые Ян накопил за годы тренировок и боёв.

Пальцы на мёртвой руке дёрнулись.

Это было не то плавное, живое движение, которым Ян, бывало, подкручивал ус или поправлял кольцо на пальце. Это был рывок – резкий, неестественный, как у куклы, которую дёрнули за нитку. Пальцы сжались, разжались, снова сжались, проверяя новую силу, привыкая к новой воле, которая в них вселилась. Кожа на них была всё ещё бледной, холодной, но под ней, в глубине, уже закипало что-то чёрное, что-то, что не было кровью, но двигалось, как кровь, пульсировало, как сердце, хотя сердца больше не было.

Затем дёрнулась рука. Вся, от плеча до кончиков пальцев. Она приподнялась на несколько сантиметров и с глухим стуком упала обратно на камень – тяжело, мертво, но в этом падении уже была не инертность трупa, а целенаправленность, желание проверить, как работает этот механизм, как подчиняется новой воле.

Потом зашевелилось тело. Не плавно, не естественно, а рывками, как у младенца, который учится управлять своими конечностями, но гораздо медленнее, гораздо труднее, потому что тот, кто вселился в это тело, никогда не имел формы, не знал, что такое руки и ноги, не умел дышать лёгкими и видеть глазами. Движения были угловатыми, неестественными, ломаными – будто тело ломали и складывали заново, подбирая нужную позу, нужный угол, нужное положение.

Глаза открылись.

Но в них не было ни удивления, ни боли, ни воспоминаний. Не было того тёплого, живого огонька, который всегда горел в глазах Яна, когда он смотрел на мир с лукавством и любопытством. В них была только пустота – глубокая, бездонная, как колодец, в который не падает свет. И на эту пустоту, как плёнка масла на воде, была натянута тонкая, едва заметная чернота – всепоглощающая, всеотрицающая ненависть, которая не знала ни причины, ни цели, ни границ.

Тело село.

Это было самое трудное движение. Позвоночник хрустнул, мышцы напряглись, не слушаясь, не понимая, что от них требуют. Голова качнулась, упала на грудь, поднялась снова, и в этом кивании было что-то страшное, механическое – будто не живое существо пытается осмотреться, а кукла, которой управляет невидимый кукловод, учит её сидеть, учит быть.

Глаза, эти пустые, чёрные глаза, медленно обвели гнездо. Они не видели в привычном смысле – они сканировали, как сканер, выискивая объекты для отрицания. Камень, который был твёрдым? Нет, он должен быть прахом. Золотистая смола, застывшая в трещинах? Нет, она должна исчезнуть. Пепел, который шевелил ветер? Нет, даже пепла не должно быть, потому что пепел – это память о том, что было, а память – это тоже существование, которое нужно отрицать.

Тело поднялось.

Ноги, не привыкшие ещё держать этот новый вес, подогнулись, и оно упало на колени, ударившись о камень с глухим, влажным стуком. Но оно не почувствовало боли. Оно вообще не чувствовало ничего, кроме голода, кроме жажды отрицания, кроме той слепой, животной ярости, что горела в пустоте его глаз. Оно встало снова. И на этот раз устояло.

Стояло оно странно – неестественно прямо, как солдат в строю, но без той живой, человеческой выправки, которая бывает у воинов. Это была прямимость манекена, куклы, вещи, которой придали форму, но не вдохнули жизнь. Руки висели вдоль тела, пальцы были сжаты в кулаки, и в этих кулаках, сжатых с такой силой, что ногти впивались в ладони, не было ярости живого существа, готового к бою. Была только механика – проверка того, на что способно это тело, как сильно можно сжать, как сильно можно ударить.

Язык, который когда-то шутил и отдавал быстрые команды, шевельнулся во рту, пробуя, как он работает. Губы разжались, и из горла вырвался звук – не слово, не крик, а хрип, скрип, какой-то механический, неестественный шум, как будто ржавый механизм пытается проверить шестерёнки. Потом этот шум сложился во что-то, отдалённо напоминающее человеческую речь.

– Нет...

Голос был голосом Яна, но в нём не было ни его интонаций, ни его смеха, ни той тёплой, человеческой ноты, которая делала его живым. Голос был плоским, мёртвым, пустым – как эхо в пустом зале, как звук камня, падающего в колодезь, как скрип половицы в доме, где никто не живёт.

Это было не отрицание чего-то конкретного. Это была декларация сущности. Манифест того, чем стало это существо. Нет – всему. Нет – жизни, которая была здесь раньше. Нет – теплу, которое остывает в камне. Нет – свету, который пробивается сквозь трещины. Нет – времени, которое течёт. Нет – миру, который существует.

Жеча обрела оболочку. Она стала кем-то. Точнее, стала никем в теле кого-то. Орудием уничтожения, наделённым навыками, ловкостью и физической силой погибшего стража. Она посмотрела на свои новые руки – бледные, холодные, с тонкими, длинными пальцами разведчика, которые умели быть невидимыми, умели скользить по карманам, умели снимать кольцо и надевать его снова быстрее, чем глаз успевал заметить. Она сжала их в кулаки, ощущая незнакомую, но могущественную мышечную силу. Силу, которую можно использовать, чтобы ломать, рвать, отрицать.

Она сделала шаг. Осторожный, неуверенный, как у ребёнка, который учится ходить. Потом другой. Потом третий – уже увереннее, быстрее, потому что тело помнило, как двигаться, даже если воля, которая им управляла, не понимала, что такое движение. Мышечная память делала своё дело: ноги несли её вперёд, руки раскачивались в такт шагам, голова поворачивалась из стороны в сторону, выискивая... что? Добычу? Цель? Или просто проверяя, как работает эта новая, непривычная оболочка?

Она шагнула к краю обрыва, туда, где скала обрывалась вниз, в темноту, из которой доносился глухой, тяжёлый рёв воды. Оно не боялось высоты. Оно не боялось смерти. Оно вообще ничего не боялось, потому что бояться может только то, что имеет что терять. А у него не было ничего, кроме голода. И голод этот был бездонным.

Оно шагнуло в пустоту, и чёрная река внизу, увидев падающую тень, на миг замолчала, будто признавая в этой тени родственную силу. А потом сомкнула воды над головой, и тело исчезло в глубине, уносимое течением туда, где границы миров истончаются и где его никто не искал.

Потому что те, кто мог его искать, пили чай в тёплом доме и верили, что самое страшное уже позади.

Глава 1. Болотное наследство

Прошёл год. Год, наполненный работой, вылазками, учёбой, и каждое его мгновение было весомым, как монета в старой, потёртой мошне, которую Алия носила на поясе, когда отправлялась в свой сектор – в тот странный, многослойный Екатеринбург, который был её домом и её ответственностью. Но сегодня ей предстояло нечто иное, нежели привычные разборки между духами и учёт магических аномалий. Сегодня она шла за наследством.

Болото, куда привела её карта Багиры, расстилалось перед ними бескрайней, буровато-зелёной равниной, покрытой кочками, чахлыми берёзками и островками осоки, которая шелестела на ветру сухо и зловеще. Воздух был тяжёлым, влажным, пропитанным запахом гниющих листьев, торфа и той особенной, сладковатой прелью, которая бывает только в местах, где вода встречается с землёй и не может решить, кому из них здесь властвовать. Над болотом висела дымка – не туман, а нечто более плотное, почти осязаемое, в котором, если смотреть достаточно долго, начинали проступать смутные, расплывчатые очертания лиц, деревьев, изб – того, чего здесь не было, но что, возможно, когда-то было или только могло бы быть.

Алия стояла по колено в воде, и каждая её черта кричала о дискомфорте. Белые, как снег, волосы – безмолвное свидетельство цены, уплаченной Смерти, – были собраны в практичный, но уже растрёпанный узел, из которого то и дело выбивались непослушные пряди, липнущие к щекам и лбу. Серые глаза, обычно внимательные и расчётливые, сейчас смотрели на трясину с усталым прищуром бухгалтера, обнаружившего в отчётах вопиющую и неисправимую ошибку природы. Её худощавая, неспортивная фигура напряглась, цепляясь за плечо Святомира, который возвышался над трясинной, словно неприступная скала. Она чувствовала, как его рука, тяжёлая и надёжная, лежит на её пояснице, поддерживая, не давая провалиться в илистую жижу.

– Чёртовы дебри, чёртовы кикиморы, чёртово наследство, – злилась и ворчала девушка, чувствуя, как ледяная вода, несмотря на заговорённые сапоги, пробирается сквозь практичные штаны и мягкую кожу, добираясь до колен, до бёдер, заставляя зубы мелко постукивать от холода. В её сумке-ларчике лежал тёплый плащ от Хозяйки Горы, но доставать его здесь, в болоте, было верхом непрактичности: ткань, сотканная из лунного света и каменной пыли, могла не перенести такой влажности, а рисковать подарком покровительницы не хотелось. Баланс не сходился, – думала она, перебирая в уме все затраты. Затраты энергии, времени, нервов – и всё ради старой избы, которая, судя по записям прабабки Ирины, больше напоминала руину, чем жильё.

– Ну, полно, Лия, – голос Святомира, низкий и твёрдый, прозвучал прямо над ухом, действуя как якорь. Его мощная рука, не выпускающая огромного меча, лежала на её спине, едва касаясь, но излучая уверенность, тепло, которое разливалось по телу, прогоняя и холод, и раздражение. – Надо забрать избушку. Твоя прабабка не зря её здесь схоронила. Место сильное, узловое. Кикиморы – хранительницы надёжные, если с ними правильно договориться.

– Да знаю, – вздохнула Алия, цепляясь взглядом за его резкие, высеченные черты, за глубокие морщины, которые прорезали его лицо не столько годами, сколько битвами и потерями. В его стальных глазах, привыкших смотреть в лицо смерти, она видела сейчас не усталость, а терпение. Терпение, которое было важнее любой магии. – Но почему именно кикиморы и болото? Почему не лес и лешие, как в прошлый раз, или луга... – Её глаза, полные печали и раздражения, встретились с его. В них не было упрёка, только понимание. Он тоже ненавидел эту грязь, этот запах, эту липкую, цепкую сырость, но воспринимал её как ещё одно препятствие на пути к цели, которое нужно преодолеть, а не анализировать.

– Ещё одну кочку, и мы на месте, – коротко бросил он и, не дожидаясь ответа, двинулся вперёд, легко неся её на плече, как бесценный, но немного капризный груз. Алия покорно

обхватила его шею, чувствуя под пальцами грубую ткань его мундира, под которой перекачивались тугие мышцы, и тот особый, едва уловимый запах, который был только его – запах старой кожи, металла и чего-то ещё, глубокого, надёжного, как земля. Как же всё сложно, – подумала она уже без злости, с привычной аналитической горечью. Наследство рода Назаровых. Не драгоценности или власть, а разбросанные по миру обломки. И каждый надо выцарапывать. А этот – ещё и из болота тащить.

Кочка, которую имел в виду Святомир, оказалась не просто кочкой, а самым настоящим островком – довольно крупным, поросшим мхом и редким, кривым кустарником, корни которого уходили глубоко в торфяную жижу. Здесь, на этом клочке твёрдой земли, Алия почувствовала «узел» – слабое место в реальности, едва заметное даже для её натренированного взгляда, прошедшего обучение у Уху и самой Хозяйки Горы. Оно пульсировало под ногами глухим, вязким ритмом, похожим на сердцебиение древнего, полусонного существа.

Она вытерла мокрые руки о брюки, чувствуя, как холодный пот смешивается с болотной водой, и достала из сумки-ларчика небольшой опаловый камень. Не заколку-знак статуса, не подарок Хозяйки, а рабочий инструмент – «жабий камень», переданный Ивсом вместе с наставлением, которое она помнила наизусть: «Кикиморы уважают договоры и конкретику. Покажи предмет – получишь предмет. Без предмета – сами станешь предметом. В прямом смысле. Утопят и косточки обглодают».

Алия провела по холодной поверхности пальцем, вкладывая в движение толику воли и чёткое мысленное намерение: *Активация. Поиск хранителей наследства Назаровых. Парграф 3, пункт «Недвижимость»*. Камень затрепетал, согрелся, наливаясь мутным, зеленоватым светом, и на глазах начал менять форму – вытягиваться, покрываться пупырышками, пока не превратился в крупную, блестящую жабу с умными, жёлтыми глазами, в которых, казалось, светилась вековая мудрость болотной глубины. Жаба встала на лапки, отдала Алии небрежное подобие чести – странное, неуклюжее движение, от которого её склизкое тело качнулось, – и с тихим, почти музыкальным всплеском нырнула в чёрную воду, оставив на поверхности лишь расходящиеся круги.

Наступила тишина. Не та, что бывает в лесу или в горах, а особая, болотная тишина – густая, вязкая, нарушаемая лишь бульканьем газов, поднимающихся из глубины, далёким криком невидимой птицы, который звучал здесь чуждо, почти неприлично громко, и шорохом осоки, которая шелестела сама с собой на непонятном, древнем языке. Святомир стоял в полной боевой готовности, меч слегка приподнят, его стальные глаза сканировали трясины, выискивая признаки опасности. Алия нервно поправила на запястье браслет-цветок, подсознательно проверяя расписание – хотя сегодня в нём была лишь одна, тяжёлая строчка: «Наследство. Болото. Кикиморы».

Ждать пришлось недолго. Из воды, без единого всплеска, словно они были частью самой жижи, вышли три фигуры. Кикиморы. Не сказочно-уродливые, как их иногда изображали в детских книжках, а странно-усреднённые, словно природа, создавая их, смешала в одном существе все оттенки болотной зелени, грязи и тумана. Женщины неопределённого возраста – может, тридцать, может, триста лет, – в платьях из тины и мха, которые струились за ними, как подводные водоросли, с длинными, спутанными волосами цвета ила, в которых запутались мелкие, болотные огоньки, тускло мерцающие в полумраке. Их лица были бледны, с тонкими, почти прозрачными чертами, глаза – как три пары мутных камешков, в которых отражался тусклый свет умирающего дня. В этих глазах читалась не враждебность, а холодное, древнее любопытство, смешанное с терпеливым ожиданием.

Алия выпрямилась, отбросив усталость и липкий страх, который, несмотря на всю её подготовку, всё же пробрался в душу. Она говорила не как девушка с плеча богатыря, не как ученица Академии, а как Наследница, чей род заключал договоры, когда эти твари были моложе,

а мир – проще и понятнее. Её голос прозвучал чётко, без дрожи, по бухгалтерскому шаблону объявления входящего актива:

– Я, Алия Ягинишна Назарова, последняя по крови и первая по праву договора, заключённого предком моим Еремеем с Хранительницами Топи в лето от Сотворения Мира семь тысяч триста двадцать первое, месяц травень, день десятый, – она произнесла дату, которую подсказала ей память, вернее, Ивс, дремавший сейчас у камина, но заранее заставивший её выучить текст наизусть, – пришла за наследством, внесённым в реестр под кодом «Изба на Птичьих Ногах, модель „Бабушка Яга“, некомплектная».

Три кикиморы переглянулись. Их движения были плавными, почти синхронными, как у водорослей, колеблемых одним течением. Их рты открылись одновременно, и они произнесли хором, голосами, похожими на шелест камыша, на плеск воды, на скрип мокрого дерева:

– Мы хранили. Мы помнили. Плату взяли вперёд. Срок хранения истёк. Забери свой ящик.

Вода перед островком забурлила. Не просто забурлила – она закипела, заходила ходуном, из неё вырвались пузыри газа, смешанного с тиной, и из глубины, с глухим, протяжным скрипом, похожим на стон древнего дерева, начала подниматься изба. Сначала показались длинные, костлявые, покрытые чешуйчатой кожей ноги – не куриные, а птичьи, но не птичьи тоже, а какие-то иные, древние, принадлежащие существу, которое ходило по земле ещё до того, как на ней появились первые леса. Конечности были непропорционально длинными, с сочленениями, которые сгибались под невозможными углами, и заканчивались тремя широкими, растопыренными пальцами с тупыми, стёртыми когтями. Сама изба, покосившаяся, потемневшая от времени и влаги, с резными наличниками, которые облупились и почернели, с единственным волоковым окошком, в котором едва теплился тусклый, жёлтый свет, стояла на этих ногах, как на ходулях, и казалась одновременно и жалкой, и величественной – последним памятником ушедшей эпохи, когда ведьмы летали на ступах, жили в избах на курьих ножках и договаривались с самим Кощеём на равных.

Алия замерла, забыв о болоте, о холоде, о липком страхе. Перед ней был не просто дом. Это был осколок её прошлого, которого она не помнила, но который, казалось, узнавала кожей, каждой клеточкой своего тела. Объект, который теперь требовал вложений: ремонта, изучения, охраны, – но прежде всего – принятия. Новая строка в её личном балансе, со знаком «плюс» в графе «активы» и огромным, пока неясным «минусом» в графе «обязательства».

Святомир опустил меч, но не расслабился. Его плечи были напряжены, взгляд скользил по избушке, оценивая не её эстетику, а боевые возможности. «Готовь сумку, – сказал он тихо, так, чтобы кикиморы не услышали. – И думай, куда эту красоту ставить. В городском дворе она будет смотреться... специфически».

Алия кивнула, уже мысленно роясь в законах магического землевладения, которые Ивс вбивал ей в голову долгими зимними вечерами. «Порядок, безопасность, дом», – пронеслись в голове её глубинные мечты. Дом, оказывается, мог быть страшным, неудобным и прийти на костлявых ногах из болота. Но он был её. И это меняло всё.

– Спасибо за хранение, – произнесла она формально, обращаясь к кикиморам, и вложила в голос всю силу, которую давал ей статус Наследницы и ученицы Хозяйки Горы. – Договор считается исполненным. Претензий не имею.

Кикиморы, не отвечая, медленно, с той же плавной синхронностью, опустили в воду и растворились, словно их и не было. Вода сомкнулась над ними, и на поверхности остались лишь круги, которые быстро затянула болотная ряска. Остались они, изба и тихое, шипящее дыхание болота, которое, казалось, выдыхало с облегчением, избавившись от чужеродного объекта, хранимого слишком долго.

Алия подошла к избе. Теперь, вблизи, она казалась ещё больше, ещё древнее. Брёвна, из которых она была сложена, были не просто почерневшими – они были пропитаны временем,

как губка водой, и в каждой трещине, в каждом сучке, казалось, спала память о сотнях лет, о сотнях полётов, о сотнях договоров, заключённых и исполненных. Окно-глаз смотрело на неё мутным, жёлтым зрачком, и в этом взгляде было нечто большее, чем просто отражение света – было ожидание. Дверь, массивная, дубовая, с коваными петлями, была заперта. Не на замок – на нечто более древнее, более сложное: на условие.

Алия протянула руку, коснулась шершавой поверхности. Древесина под её пальцами была тёплой, живой, и она почувствовала, как что-то внутри избы отозвалось – глухим, низким гулом, похожим на урчание огромного, спящего зверя. Это был не приветственный зов, а проверка. Кто пришёл? Своя? Чужая? Имеет ли право?

Она отступила на шаг, чувствуя, как в груди разливается странное, горячее волнение, похожее на то, которое она испытывала, когда впервые переступила порог Академии. Только тогда она была новичком, ничего не знающей, ничего не умеющей. А теперь... теперь она была Наследницей. И это наследство ждало своего часа.

– Ну что, – голос Святомира прозвучал рядом, низкий и спокойный. Он стоял так близко, что она чувствовала тепло его тела, даже сквозь мокрую одежду. – Забираем?

– Забираем, – ответила она, не оборачиваясь. И щёлкнула пальцами, активируя сумку-ларчик. Пространство перед избой дрогнуло, исказилось, и изба, с тем же глухим, протяжным скрипом, начала медленно, неохотно втягиваться в специально созданный карман реальности – туда, где ей предстояло ждать, пока хозяйка не найдёт ключ.

Когда последнее бревно исчезло в искажённом воздухе, и на месте избы осталась лишь вытоптанная, грязная площадка, Алия вдруг почувствовала невероятную усталость. Не физическую – ту, что накапливается, когда делаешь то, что должна, но не знаешь, зачем. Она опустилась на корточки, и Святомир, не говоря ни слова, просто подхватил её на руки, как ребёнка, и понёс прочь с островка, через болото, к твёрдой земле.

Она прижалась щекой к его плечу, закрыла глаза и слушала, как он дышит – ровно, глубоко, как работает сердце мира, которое не знает усталости. И думала о том, что, возможно, изба – это не просто наследство. Возможно, это дом. Тот самый, которого у неё никогда не было. Тот, который она не строила, не выбирала, не ждала, но который, возможно, ждал её.

Глава 2. Домашний совет

Дом встретил их теплом, запахом свежее испечённого хлеба и уютным, трепещущим светом лампадок, которые Ольга зажигала каждый вечер перед иконами в красном углу, даже когда хозяев не было дома – для того, чтобы духи дома чувствовали, что их помнят и любят. Алия, переступив порог, почувствовала, как напряжение последних часов начинает отпускать, растворяясь в знакомых запахах: печёных пирогов, сушёных трав, старого дерева и того особого, неуловимого аромата, который можно назвать только одним словом – дом.

Ольга, не обращая внимания на поздний час, хлопотала по кухне, переставляя тарелки с блинами, щами, жареной рыбой и кашей, которая томила в печи с самого утра. На её добром, круглом лице сияла улыбка, но в глазах, тёмных и глубоких, как лесные омуты, читалась тревога – она видела их усталость, мокрую одежду, следы болотной грязи, которые Алия оставила на полу, и, конечно, чувствовала ту странную, древесную энергию, которая исходила от сумки-ларчика, где теперь стояла изба.

– Ох, касатики мои, – причитала она, подавая чистые полотенца и помогая Алии снять промокшие сапоги. – Ну и натаскались же вы грязищи-то! В болоте, поди, по колено? Алияшка, ты хоть ноги-то отогрей, простудишься, а там и до лихоманки недалеко. А вы, – обратилась она к Святомиру, который уже направился в ванную, оставляя за собой мокрые следы, – вы-то хоть воду тёплую возьмите, а не ледяную, богатырское здоровье – оно, конечно, хорошо, но и его беречь надо.

Ивс, восседавший в кресле у камина в своём бархатном халате, расшитом золотыми звёздами, отложил книгу – старинный фолиант в кожаном переплёте, который он изучал с таким видом, будто это был самый важный документ в мире, – и устремил на Алию пронзительный жёлтый взгляд. Его взгляд скользнул к её сумке-ларчику, которая, даже висая на поясе, едва заметно пульсировала той самой, странной, древесной энергией, и в его разноцветных глазах – золотистом и зелёном – мелькнуло редкое для него напряжение. Это был не просто вопрос, а запрос о статусе семейного актива, о том, насколько успешно прошла операция по изъятию наследства.

– Получила? – спросил кот-архивариус, и в его голосе, обычно бархатном и насмешливом, прозвучала та серьёзность, которая бывает только у тех, кто слишком многое вложил в ожидание.

Алия, сбросившая мокрый плащ и позволившая Ольге тут же забрать его в стирку, с печальным вздохом опустилась на стул, стоящий у стола, на котором уже дымились кружка с горячим травяным чаем. Она потирала виски, чувствуя, как под пальцами пульсирует тупая, ноющая боль – не столько от усталости, сколько от осознания масштаба полученной задачи.

– Да, – ответила она, и её голос был глуше, чем обычно. – Получила. Но она... Ивс, она настолько, настолько сильно убита временем и болотом, что аж страшно. Это не дом, а... инвалид. На балансе это будет записано как «объект, требующий реставрации, с неопределённым сроком окупаемости». Я даже не знаю, с какой стороны к ней подойти. Дверь не открывается, окна не пропускают свет, стены... стены дышат такой тоской, что у меня душа заболела, когда я просто коснулась их.

В этот момент из ванной вышел Святомир, вытирая намыленные до скрипа короткие волосы. Он уже сменил мундир на просторную, домотканую рубаху, которая была ему явно маловата в плечах, и его исполинская фигура, привыкшая к доспехам и мечу, казалась немного менее грозной, почти уютной в этом домашнем, тёплом свете. Он бросил полотенце на спинку стула и, услышав последние слова Алии, хмыкнул:

– Да ладно, – его голос был низким, спокойным, в нём не было той категоричности, которая звучала на полигоне, а была уверенность человека, который видел вещи и похуже. – Пара

ремонтных работ, пара укрепляющих заклятий. Будет как новенькая. Сделаем из неё отличную заставу на дальнем рубеже. Или, – он бросил взгляд на Алию, и в его глазах мелькнула тень улыбки, – гостевой домик для непослушных студентов.

Алия подняла на него взгляд, и в её серых глазах мелькнула смесь усталости, нежности и лёгкого раздражения – того особого, домашнего раздражения, которое бывает только между своими.

– Какой же ты всё... аптемистичный, – поправила она, с трудом подбирая слово, которое вертелось на языке, но никак не хотело обретать форму. – Ты смотрел на эти стены? Они дышат плесенью и тоской! Это не ремонт, это... полная реконструкция мироощущения объекта! Там каждая доска помнит не один десяток лет, и каждая из этих лет была, судя по всему, очень, очень несчастливой.

– Милое зрелище, – проворчал Ивс, поправляя монокль, которого на самом деле не было, но который, по его мнению, придавал ему солидность, – но вы оба упускаете суть. А ты, – он ткнул лапой в сторону Алии, и его когти, острые, как иглы, на миг сверкнули в свете камина, – ты хоть дверь в неё открывала?

Алия замерла. Она почувствовала, как внутри неё что-то ёкнуло – то самое чувство, которое бывает, когда понимаешь, что упустила из виду самое главное.

– Дверь? Нет. Мы её... активировали, вызвали, поставили на стоянку во внутреннем дворе сумки на временное хранение. Дальше инвентаризации не пошли. Я даже не знала, что её можно открыть. Она показалась мне... запёртой.

– Так, – Ивс тяжело поднялся, его движения, обычно такие грациозные, стали медленными, почти старческими, и он прошёлся по ковру, хвост трубой, оставляя за собой едва заметные следы на ворсе. – Потому что это не просто изба. Это «Изба-на-ногах-нептицы, модель „Бабка Яга“, подарок от мастера Левши и тех двух одинаковых с лица, что с Урала». Чудо инженерных и магических искусств, каких свет не видывал ни до, ни после. Она не открывается просто так. Ей нужен ключ. Или правильный вопрос. Или... определённое состояние души хозяйки.

Он посмотрел на Алию оценивающе, и в его взгляде, помимо строгости, была и странная, почти человеческая нежность. Он помнил ту, кто владел этой избой прежде, и, возможно, видел в Алии её продолжение.

– Твоя пра-пра-чем-там-была не просто пряталась в ней, – продолжил он, и его голос стал тише, задумчивее. – Она ею управляла. Летала. Ходила сквозь стены между мирами. Заключала договоры, которые до сих пор никто не может расторгнуть. Тебе оставили не руины, Алия Ягинишна. Тебе оставили боевой корабль. Весьма потрёпанный, – он сморщил нос, и в этом жесте мелькнуло что-то от обычного, домашнего кота, принюхивающегося к незнакомой еде, – но корабль. И пока ты не откроешь дверь и не сядешь за её дышло, все твои «бухгалтерские отчёты» о её стоимости – бесполезное мудрствование. Ты можешь считать её сколько угодно, но настоящая цена откроется только тогда, когда ты войдёшь внутрь.

В комнате повисла тишина. Даже Ольга замерла с половником в руке, и её лицо, освещённое пламенем печи, казалось отстранённым, задумчивым – она вспоминала что-то своё, далёкое, связанное с той, другой хозяйкой. Святомир прислонился к косяку, скрестив руки на широкой груди, его стальные глаза задумчиво блеснули в полумраке. Он смотрел на Алию, и в его взгляде было не просто ожидание – было спокойное, уверенное терпение. Он знал, что она справится. Он просто ждал, когда она сама это поймёт.

Алия вздохнула, но уже иначе. В её взгляде появился знакомый Ивсу огонёк – огонёк сложной задачи, требующей системного подхода. Печаль и усталость отступили, уступив место аналитическому азарту, той самой, особенной, «бухгалтерской» страсти, которая помогала ей распутывать самые сложные узлы реальности.

– Ключ... – протянула она, и в её голосе зазвучали деловые нотки. – Или вопрос. Или состояние. Значит, сначала – диагностика интерфейса управления. Потом – поиск мануала. Потом... – Она уже мысленно строила таблицу: столбец «Проблема», столбец «Гипотеза», столбец «Метод проверки». Её пальцы, ещё минуту назад дрожащие от усталости, начали постукивать по столу, отбивая ритм мысли.

– Потом чай с блинами, – мягко, но настойчиво сказала Ольга, ставя перед Алией дымящуюся кружку и тарелку с горой румяных, маслянистых блинов, от которых шёл такой аппетитный пар, что у всех, даже у Ивса, заурчало в животах. – Корабль кораблем, а хозяйка должна быть с силами. И вы, – кивнула она Святомиру и Ивсу, которые уже потянулись к столу, – тоже садитесь. Будем думать вместе. Но на сытый желудок. Голодный ум – он, как известно, только о еде и думает, а не о высоких материях.

Ивс фыркнул, но прыгнул на свободный стул, с достоинством устроившись на вышитой подушке, которую Ольга специально для него положила. Он явно был не против перекусить. Святомир молча сел рядом с Алией, его плечо почти касалось её плеча – молчаливая поддержка, якорь в море новых, сложных задач. За окном, в специально отведённом кармане реальности её сумки-ларчика, стояла Изба. И ждала, когда хозяйка найдёт правильный вопрос, чтобы войти внутрь.

Ольга, отхлебывая чай из блюдца, с лёгкой, далёкой улыбкой смотрела в пространство, где витали воспоминания, такие старые, что они, казалось, обрели собственную, едва уловимую плоть.

– Помню, как мы с вашей прапра в походы в ней ходили, – заговорила она тихо, но так, что каждое слово было слышно. Голос её стал глубже, напевнее, будто она читала старую, забытую сказку. – О-ох, и весело было. Особенно запросы от царевен на женихов. Мы их воровали, а потом молодцы их спасали. Романтика! – Она мечтательно вздохнула, и её глаза, обычно такие добрые и заботливые, вдруг блеснули озорным, почти девичьим огнём. – Бывало, прилетит к нам какая-нибудь царевна из тридевятого царства, вся в слезах: «Яга-матушка, украд меня Кощей, спаси!» А мы с твоей прапра, значит, сядем в ступу, избу на ноги поставим, и – понеслась. Кощея, конечно, не трогали, он и сам бы нас в порошок стёр, но его прислужников... о-хо-хо, сколько мы их по лесам развесили! Потом женихи прибежали, царевен спасали, а нам – спасибо да гостинцы. А один раз, – она заговорщицки понизила голос, – один раз мы так увлеклись, что вместо царевны принца украли. С рыжей бородой, в короне. Оказалось, он сам сбежать хотел, а мы ему помогли нечаянно. Скандалу было! Но твоя прапра всё уладила – договор составила, всех рассудила, и принц потом ещё сто лет правил, и ни одной войны при нём не было. Вот что значит правильный подход!

Ивс, который как раз собрался погрузить мордочку в блюдце со сметаной, застыл. Его пушистые усы дёрнулись, а жёлтые глаза стали совершенно круглыми. Он медленно повернул голову к Ольге, и в его взгляде читался спектр эмоций от изумления до возмущения.

– Так... – протянул он, и его голос, обычно бархатный и полный достоинства, на миг сорвался в фальцет. – Так вот где вы пропадали на все те полгода, когда по договору должны были вести инвентаризацию фамильной библиотеки?! «Убыла в творческий отпуск»! А сами... а сами летали за принцами в соседние королевства?!

Ольга лишь хихикнула в ладошку, и её смех, тихий, звонкий, разлился по кухне, как колокольчик.

– А ты-то что, сухарь несчастный? – парировала она, указывая на него ложкой, на которой ещё блестела сметана. – Помнишь, как тебя рыжая из Баюнов месяц кряду обхаживала? Тебе и рыбу свежую на загляденье приносила, и книги старинные, рукописные, и даже стихи сама сочиняла! А ты! Ты ей трактат о магическом нотариате за три тома вручил да сказал, что пока не закончит штудирование, и на порог не показывайся! Так она и не показала. С тех пор и в Баюны-то тебя не пускают, говорят, обиделась!

В кухне на миг повисла тишина, а затем громко, по-медвежьи, рассмеялся Святомир. Он редко смеялся так открыто, от души, и звук этот был тёплым и гулким, словно разливая по комнате дополнительное тепло. Алия сначала удивлённо посмотрела на Ивса, потом на смеющегося Святомира, и сама не выдержала – к её губам прокралась улыбка, а затем и сдержанный смешок, который быстро перерос в почти истерический, освобождающий хохот. Картина была слишком невероятна: величественный дух-архивариус, наставник, который учил её не поддаваться эмоциям, в роли непутёвого кавалера, отбивающегося от ухаживаний учебниками!

Ивс откашлялся. Его шерсть немного взъерошилась, и он принялся её тщательно приглаживать, восстанавливая пошатнувшееся достоинство.

– Это было... профессиональное обсуждение, – процедил он, стараясь вернуть себе невозмутимость, но кончики его ушей, если бы их было видно под шерстью, наверняка были бы ярко-розовыми. – Она интересовалась вопросами скрепления межмирных договоров. Я предоставил исчерпывающие материалы. И, к слову, она стала одним из лучших нотариусов в своём регионе. Так что нечего ерунду болтать, Ольга Николавна.

Чтобы спасти положение, он с достоинством повернулся к Алии.

– Возвращаясь к твоему... кораблю. Входной протокол. Как я помню из фамильных записей, им управляла не столько сила, сколько правильный баланс. Состояние души хозяйки. Бабка твоя была, простите за выражение, отчаянной головой с трезвым расчётом. Шальная, но не безрассудная. Попробуй завтра, на свежую голову, просто подойти. Без планов и таблиц. Просто... почувствуй. Возможно, она сама подскажет.

Святомир, всё ещё с лёгкой усмешкой в глазах, кивнул.

– Логично. Любое оружие, даже самое хитрое, должно отзываться на хозяина. Тем более такое. – Он закончил свой чай и встал, его тень на мгновение закрыла свет лампы. – А мне завтра с отчётом к Кощею. И с вопросами о снежных гостях. Так что ваш «творческий отпуск» по изучению наследства, – он бросил взгляд на Алию, и в его глазах на миг мелькнула та самая, знакомая строгость, которая, однако, не пугала, а, наоборот, придавала сил, – у вас будет. Используй его с умом.

Алия кивнула, чувствуя, как тяжёлый груз проблем снова ложится на плечи, но уже не так давит. Здесь, за этим столом, с этими людьми (и котом), даже самые безумные задачи казались решаемыми. Даже если для этого нужно было перестать быть бухгалтером на секунду и просто почувствовать. Это было, пожалуй, самым сложным заданием из всех.

– Спасибо, Ольга, за чай, – сказала она, поднимаясь. – И за истории. Они... проясняют контекст.

– Всегда пожалуйста, родная, – улыбнулась домовая, и в её улыбке было столько тепла, что Алии показалось, будто она только что выпила не чашку чая, а целый котелок живительного зелья. – А теперь спать. И тебе, медведю, не засиживайся с бумагами, – строго добавила она Святомиру, который уже направлялся к двери. – Молодые, а как старики – вечно в заботах.

Ивс, окончательно восстановив достоинство, лишь фыркнул и устроился в своём кресле, делая вид, что погружается в чтение. Но Алия заметила, как его взгляд время от времени задумчиво останавливается на темноте за окном, будто вспоминая давние дни, рыбу, книги и ту самую рыжую из Баюнов.

Глава 3. За пределами дома: изба ждёт

За пределами дома, в пространстве сумки-ларчика, было совсем иное время. Здесь не было ни дня, ни ночи, а царил вечный, сумеречный полумрак, который, однако, не казался мрачным – скорее, он был уютным, как старый, насиженный чердак, где пахло пылью, сушёными травами и чем-то далёким, почти забытым. Изба стояла на своей временной «стоянке» – на лесной поляне, которая была создана Алией специально для хранения особо крупных артефактов. Поляна была покрыта мягким, изумрудным мхом, по которому стелился туман, такой густой, что он казался живым, дышащим существом. Вокруг росли папоротники – не те, обычные, лесные, а огромные, в рост человека, с листьями, которые переливались всеми оттенками зелёного, от бледного, почти прозрачного, до тёмного, почти чёрного, и на их кончиках, когда Алия или кто-то другой приближался, загорались крошечные, светящиеся капли – не то роса, не то магия, не то память о тех местах, откуда эти папоротники были принесены.

Ясный, её питомец, уже облетел странное сооружение несколько раз, тихо щёлкая хищным клювом и настороженно кося изумрудными глазами на не-птичьи ноги, которые казались ему одновременно и знакомыми, и чуждыми – слишком большими, слишком древними, слишком неподвижными для того, чтобы быть частью живого существа. Теперь он уселся на порог, свернувшись тёплым, пернатым клубком, и смотрел одним глазом на запертую, почерневшую дверь. Его изумрудное горло то и дело вспыхивало мягким, зелёным светом – он тоже чувствовал, что изба не просто стоит, а ждёт.

Гребень в волосах Алии и кольцо на её пальце спали. Но сам воздух вокруг избы был неспокоен. Он вибрировал едва слышно, словно старая машина, в которую только что влили первую каплю масла после веков простоя. И где-то в самой её сердцевине, среди трухлявых балок, что-то слабо, но упрямо щёлкнуло, как сдвинувшаяся с места шестерёнка в остановившихся часах. Это был не звук – это было ощущение. Ощущение того, что время, застывшее в этих стенах много лет назад, начало потихоньку, с reluctantной медлительностью, течь снова.

Она ждала. Ждала вопроса. Или нужного состояния души. Или просто – хозяйки.

Глава 4. Архив. Письмо от Кощея

Алия спала крепко и сладко, как не спала уже давно. Ей снился зелёный луг, усыпанный ромашками, и женщина с чёрной, как смоль, косой до пояса, в простой белой рубаше, вышитой по вороту и рукавам красными и чёрными нитями. Мама. Она не помнила её лица в реальности – лишь смутный образ, запах полыни и тепла, который невозможно было спутать ни с чем. Но во сне оно было ясным, улыбчивым, полным безмятежности, которой не было в их мире после Отката. Мама что-то говорила, протягивая ей цветок – полевой, с тонкими, почти прозрачными лепестками, – но слова терялись в шелесте травы и далёком, беззаботном жужжании шмеля. Алия тянулась к цветку, но он ускользал, отдалялся, и она чувствовала, как её наполняет странная, тягучая печаль – не от потери, а от невозможности удержать то, что было так близко.

Её разбудил не голос, а настойчивое постукивание и сухое шелканье. Ясный, её питомец, стоял у кровати, склонив свою длинную, изящную шею, которая теперь, когда он вырос, казалась почти лебединой. Его хищный клюв аккуратно, но настойчиво постучал по деревянному изголовью, требуя завтрака и внимания. В утреннем свете, пробивавшемся сквозь занавески, которые Ольга всегда задерживала на ночь, чтобы «нечисть не глазела», он выглядел великолепно и немного нелепо. Оперение легло полностью: алое тело, как у сказочной жар-птицы, изумрудное горло, переливающееся на шее всеми оттенками зелёного, и закрученные, как у барашка, рожки, которые росли всё выше и выше, становясь всё более острыми и грозными. Размером он был уже со страуса. Алия даже пыталась однажды на нём прокатиться, вдохновлённая старыми легендами, но Ясный выразил бурный протест – не агрессией, а громким, обиженным шелканьем и тем, что лёг и притворился мёртвым грузом, отказываясь двигаться с места, пока она не слезла.

– Сейчас, касатик, сейчас. Не буди её раньше времени, – послышался воркующий голос Ольги. Домовая вносила в комнату огромный медный таз, который она держала на вытянутых руках с удивительной для её возраста лёгкостью. В тазу была целая гора: рубленое мясо, нарезанное кусками, которые Ясный предпочитал, сырые овощи, крупно порубленная зелень и горсть круп, от которой пахло лесом и мёдом. – На, кушай на здоровье, кормилец наш пернатый.

Ясный, забыв о хозяйке, с достоинством повернулся к еде. Его клюв и когти, казалось бы, неуклюжие, работали с ювелирной точностью и пугающей быстротой, разрывая мясо на идеальные куски, которые он проглатывал с тихим, урчащим звуком, похожим на довольное мурлыканье огромной кошки. Алия, наблюдая за этим, снова подумала, что её питомец – идеальное отражение её сущности: снаружи всё более прекрасный и внушительный, внутри – практичный, прожорливый и совершенно домашний в своих привычках. Он был её защитой и её уязвимостью одновременно.

Она потянулась и услышала знакомый, мощный храп, доносящийся из гостевой. Святомир. Он, как всегда, спал в доспехах или, на крайний случай, в полной боевой готовности, прямо на топчане, который Ольга застелила для него толстыми, шерстяными одеялами. Храп его был ровным, как работающий двигатель, и заполнял собой весь дом, словно оберегая его звуковым барьером. Алия улыбнулась. Даже здесь, в тепле и безопасности, он оставался стражем.

В гостиной, за столом, при свете масляной лампы (хотя на дворе был день, в этой комнате всегда царил полумрак, удобный для чтения), сидел Ивс. Перед ним были разложены свитки, стопки бумаг, и он что-то быстро писал острым пером, изредка макая его в чернильницу, которая была выточена из цельного куска горного хрусталя. Рядом лежало несколько уже запеча-

танных конвертов – с сургучными печатями, на каждой из которых был оттиск родового герба Назаровых: ступа, помело и изба на не-птичьих ногах, окружённые вязью рун.

– Просыпайся, ясна девица, – сказал он, не отрываясь от письма. Его бархатный голос звучал суховато, по-деловому, но Алия чувствовала в нём ту особую, почтительную ноту, которую он позволял себе только в самые серьёзные моменты. – Пока ты предавалась морфею и сельским идиллиям, пришло официальное письмо из Академии. За печатью Кошея Бессмертного.

Алия, ещё не до конца проснувшись, почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она села на кровати, белые волосы рассыпались по плечам, и в утреннем свете они казались не просто белыми, а серебряными, как иней на зимнем окне.

– Кошей? – переспросила она, и голос её был хриплым со сна, но в нём уже зазвучала тревога. – Что ему нужно?

– Встречи просит. Личной. – Ивс наконец поднял жёлтые глаза и протянул ей тонкий, почти прозрачный лист бумаги с сургучной печатью в виде закрученной в узел кости. Бумага была холодной на ощупь и пахла пылью архивов и чем-то металлическим – кровью или старой медью. – Пишет: «По поводу уточнения статуса наследуемых артефактов высшего класса и инцидента с участием сторонних сил на вашей последней миссии». Вежливо, чётко и крайне неприятно. Он явно пронюхал про избу и хочет внести её в свои реестры. А возможно, и про твои стычки со снежными. И то, и другое – повод для того, чтобы призвать тебя к ответу.

Алия взяла письмо. Бумага была такой тонкой, что казалось, она вот-вот рассыплется в пальцах, но в то же время – такой прочной, что её невозможно было порвать. Она пробежала глазами по строкам, написанным чётким, каллиграфическим почерком, в котором не было ни одной лишней закорючки, ни одного неверного нажима. Сон о матери и ромашках окончательно рассеялся, уступив место знакомому, тяжёлому чувству – необходимости подсчитывать риски, просчитывать ходы и балансировать на грани с древним, бездушным бюрократом, для которого все они были лишь строками в бесконечном реестре.

– Значит, завтрак, – сказала она твёрдо, вставая и чувствуя, как пол под ногами прохладен и твёрд, как сама реальность. – Потом – попытка договориться с избой. А потом... визит в башню Архивариуса. Надо будет надеть что-то от Хозяйки Горы. Чтобы напомнить, у кого я в ученицах. И чтобы он видел: я не просто Назарова, я – её наследница.

Ивс одобрительно мотнул головой.

– Прагматично. И не забудь гребень. И кольцо. В его присутствии всякая магия имеет вес, особенно та, что на виду. А кольцо Яна – это не просто память, это артефакт, который он, возможно, захочет изъять. Будь готова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.